

Голованова Ольга Ивановна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры гуманитарных наук
Тюменского государственного
нефтегазового университета

**ЭКСТРАКТ КАК ИСТОЧНИК
ИНФОРМАЦИИ О «ВОЛНЕНИЯХ»
В ГОРОДЕ ТЮМЕНИ
В ПЕРИОД КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ
ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ
ЕМЕЛЬЯНА ПУГАЧЕВА 1773–1775 ГГ.**

Аннотация:

В статье вводится в научный оборот транслитерированный скорописный источник, кратко представлен его палеографический и источниковедческий анализ, прослежены «связи» в документообороте. На основе экстракта восстанавливается пресечение Тюменской воеводской канцелярией бунтарского движения в Тюмени в 1774 г. во время крестьянской войны под предводительством Емельяна Пугачева. Рассматривается процедура дознания. Среди допрашиваемых ссыльных определяются предполагаемые организаторы бунта и свидетели.

Ключевые слова:

источник, документ, скоропись, Тюменская воеводская канцелярия, воевода, Емельян Пугачев, крестьянская война, допрос, очная ставка, ссылка, бунт.

Golovanova Olga Ivanovna

PhD in Philology,
Assistant Professor,
Department for the Humanities,
Tyumen State Oil and Gas University

**THE EXTRACT AS A SOURCE OF
INFORMATION ABOUT RIOTS
IN THE CITY OF TYUMEN
DURING THE PEASANTS' WAR
UNDER THE LEADERSHIP OF
YEMELYAN PUGACHEV IN 1773–1775**

Summary:

The transliterated cursive writing source is introduced for scientific use in the article. The author carries out its paleographic and source study analysis in brief, traces the relations in the document circulation. On the basis of the extract the article describes the suppression of the rebellious movement by the Tyumen Voivode Office in Tyumen in 1774 during the Peasants' War under the leadership of Yemelyan Pugachev. The paper considers the inquiry procedure that identified presumable organizers and witnesses of the revolt among the interrogated exiled.

Keywords:

source, document, cursive writing, Tyumen Voivode Office, voivode, Yemelyan Pugachev, peasants' war, interrogation, line-up, exile, revolt.

Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева 1773–1775 гг. является крупнейшим социальным протестом, охватившим большую часть Российской империи: Оренбургский край, Урал, Прикамье, часть Сибири, Среднее и Нижнее Поволжье.

В Тюмени не было открытых военных столкновений правительственных войск с восставшими, но попытки организации повстанческого движения имели место. Как нам представляется, особенно сложной обстановка в регионе была в начале 1774 г., когда линия противостояния находилась довольно близко, так как восстанием были охвачены Шадринск, Екатеринбург, Курган, Ирбитская слобода и другие населенные пункты. Вступление в борьбу рабочих людей уральских заводов придало новый импульс крестьянской войне.

В Тюмени со стороны местной администрации во главе с воеводой Тихомировым проводились различные мероприятия, не допускавшие не только приближения «самозванцевой команды», но и формирования бунтарского движения в самом уезде и городе. В архивном документе без названия от «8 января 1774 году» (возможно, что черновой вариант) сообщается, что в уезде для соблюдения «тишины» были «поставлены денные и ночные полки». Тюменская воеводская канцелярия обращается к обывателям, чтобы «от злодеиски^х и разбоинически^х набего^в приняли на себя возможную предосторожность» и имели при себе «ко обороне своеи и защищению оружие». Уездная администрация запрещает поездки в Екатеринбург, приказывает оставить одну дорогу на Тугулым, а остальные «завалить лесомъ», на воротах «установить рога^тки» и т. д. [1].

Целью статьи является восстановление фрагмента реальной истории г. Тюмени в период крестьянской войны 1773–1775 гг. До наших дней дошел уникальный документ – экстракт, фиксирующий пресечение Тюменской воеводской канцелярией попытки организации бунта ссыльными при приближении войска восставших к г. Тюмени в 1774 г. Документ хранится в Государственном архиве Тюменской области [2].

Экстракт – документ, который содержит краткое изложение содержания дела с приведением выдержек из документов в государственных учреждениях России XVIII в. В исследуемый

период в судопроизводстве экстракт выполнял функцию обвинительного заключения, следовательно, включал краткое изложение всего следственного дела. Дальнейшее исследование жанровой системы показывает, что в так называемый «послепугачевский» период правления Екатерины II эту функцию выполнял уже рапорт. Согласно законодательному акту «Учреждения для управления губерний» (1775), рапорт представлял собой некий «гибрид»: «В композиционную рамку основного блока рапорта заключался весь следственный материал. Таким образом, текст итогового рапорта становился вторичным по отношению к совокупности разножанровых текстов-источников» [3, с. 76].

Экстракт выполнен скорописью, с характерной вариативностью написания букв, большим содержанием выносных букв, наличием сокращений слов (титл) и т. д. Многие листы повреждены «временем», и, соответственно, содержание утрачено. Общий объем листов – 25.

В связи с тем, что в системе делопроизводства это вторичный документ (первичные – допросные речи, повальные обыски и расписки), предполагаем, что «автором» текста является опытный копиист. Составление этого документа, с одной стороны, предполагает переписывание информации, с другой – распределение ее по графам, что требует определенных профессиональных навыков. Не исключено, что экстракт являлся черновиком и на его основе составлялся другой документ, который и был отправлен в Сибирскую губернскую канцелярию.

Экстракт содержит 65 допросных речей (табл. 1).

Таблица 1 – Фрагмент экстракта [4]

имяна	от роду летъ	в Тюмене своимъ домомъ живеть или холость и сколько у женаты ^x имеется детей и сколькихъ летъ	за какие преступленія в ссылку присланъ и с какимъ наказаниемъ	ныне по доносу и изъ следствия с распросовъ вины ихъ оказались
Иванъ Савел ^{ев} Ряскинъ	62 года	имееть свои домъ у него жена Софья Иванова сорока пяти лет детей не имеетъ	за какую вину в ссылке знания в Тюменской воеводской канцелярии не имеется бить кнутом, ноздри рваны на щекахъ указные клейма поставлены	... а теперь пришло наше время дайъ богъ штобъ пришла самозванцова команда мы коменданской воеводской и всехъ здешнихъ начальниковъ напьемся крови; о чемъ онъ прежде того сговаривался со ссыльными <...>, когда злодейская толпа в Тюмень вступить тогда коменданта, воеводу и его товарища и протчихъ начальниковъ прирезать и дома разграбить; к чему он Иван Савельев и другихъ находящихся в городе Тюмени [далее текст утрачен]
Исаи Ивановъ	32 года	живеть своимъ домомъ у него жена Настасья Якимова тридцати лет, сынъ Михайло одного году с половиной	за какую вину в ссылке знания в Тюменской воеводской канцелярии не имеется	имель согласие злодейское коменданта, воеводу, товарища и протчихъ начальниковъ зарезать и дома разграбить; и как ихъ ссыльныхъ в тюрьму посадять а самозванцева команда прибудеть, то закричать и тюрьму разбить, что он слышалъ от ссыльныхъ Мандаровскава, Тюринова и Ряскина и в томъ по ихъ доказательству повинную принесъ

Согласно официальной версии, в начале 1774 г. во время работ на строительстве «батареи» («учрежденная застава», оборонительное сооружение) ссыльные Иван Ряскин, Дмитрий Тюринов, Алексей Мандоровский, Исаи Иванов, Данила Евдокимов и др. обсуждали, что, «когда злодейская самозванцева партия» подойдет к Тюмени, они хотели «коменданта воеводу товарища и другихъ чиновныхъ людей прирезать и дома разграбить», а затем «в ту толпу злодейскую податся» [5]. Также указывалось их желание вернуться домой «в Россию» (в XVIII в. в сознании многих обывателей Российской империи Сибирь все еще рассматривалась отдельно от территории). Эта тема обсуждалась ссыльными и в других местах, например на базаре, в домах и т. д.

Доказано, что Иван Телной ездил в Беляковскую слободу (10 верст от Камышлова), «разведаль и от обывателеи тамошны^x известилъ то они к Беляковке приблизятся будутъ и в Тюмень; а как те злодеи в Беляковку вступили то оⁿ возвратясь в Тюмень / приехавъ в учрежденную заставу окольную дорогою / о^бявилъ о то^m старосте Терикову и протчими присылными с которыми имель согласие» [6].

В документе участников крестьянской войны называют «самозванцева команда», «самозванцева партия», «злодейская команда», «злодейская толпа», «воровская толпа», «злодеи» [7].

Началом разбирательства, возможно, послужила информация от поляка Войцека Мурзковича, в доме которого находился Иван Савельевич Ряскин, который его «хвата^л за волосы, бросался на него с ухватомъ и при томъ говорилъ, даро^м што онъ Ряскинъ худъ; боярской крови напи^лся и с одново ево удару духъ отдалъ; а теперь пришло наше время даи богъ штобъ пришла самозванцова команда мы коменданской воеводской и всехъ здешни^х начальниковъ напьемся крови» [8]. Этот факт вполне мог стать основой искового заявления, то есть челобитной, направленной в Тюменскую воеводскую канцелярию.

Время составления документа не указано, не содержится прямой отсылки на время и в перенесенной первичной информации (время составления допросов). Однако в тексте присутствуют косвенные указатели: строительство батареи в Тюмени «на сырной неделе» (последняя неделя перед Великим постом); даты смерти допрашиваемых (Алексей Мандоровский умер в марте, Андрей Дубровин умер 6 апреля, Юда Юрьев – 8 апреля); очные ставки, которые проводились после допросов для перепроверки фактов (2 апреля 1774 г.) [9]. Поскольку экстракт является итоговым документом, делаем вывод о том, что текст формировался после 8 апреля 1774 г., а событийное время, включая «сюжет» и расследование «сюжета», – начало 1774 г.

Любопытна информация о ссыльных. Многие жили своими домами, имели семьи, детей, например, Дмитрий Тюринов (43 года) имел свой дом, у него жена Настасья (40 лет), дети: Петр (6 лет) и Моисей (3 года); Алексей Мандоровский (74 года) имел свой дом на Малом городище, у него жена Феодосия Федоровна, дочь (43 года), ее дети – сын Яков (6 месяцев), дочери Прасковья (10 лет), Авдотья (7 лет) [10]. Были ссыльные, которые не имели своего жилья: Иван Телной жил «у присы^лнаго Михаила Попова», Григорий Шуматов – «на подворье у посадского Федора Пуляева», Родион Семенов – «на заимке у Тихомирова», Савелий Собин – «у ссыл^наго Евсея Копевалова» и т. д., при этом не имели семьи, детей [11]. В документе указываются источники существования: «по билета^м на свое^м пропитании», «в казе^нной работе», «для прошения милостины по миру».

Причины появления ссыльных в Тюмени различны: Данила Евдокимов, он же Бритва (57 лет) – «за одинъ разбои и одну та^тбу, и за бытие в разбоинической партии, и про одинъ грабежъ, и за знание про грабежъ»; Иван Телной (88 лет) – «за одинъ разбои в Нижегородско^м уезде в деревне Кургашине помещика Дмитрия Кулебакина и за взятие при томъ разбое денегъ и пожитковъ и за мучения объявле^нные Кулебакина и жены ево от которыхъ онои Кулебакинъ уме^р и за разные грабежи и за взятие при томъ денегъ и хлеба»; Евсей Иванов (48 лет) – «за учиненную с протчими во время хождения в Польшу одному жильцу с ево женою и работником смертное убийство»; Ефим Шишкин (40 лет) – «за одинъ разбои»; Ефим Шевяков (66 лет) – «за четыре татьбы и два побега и за сочинение фальшиваго пашпорта»; Андрей Трещев (58 лет) – «в сожении Муромского уезда села Самордина крестьянского двора»; Юда Юрьев (54 года) – «за смертное убийство солдата и барабанщика»; Никита Шипунов (62 года) – «за кражу из клети денегъ и пожитковъ и сожении клети»; Роман Федоров (98 лет) и Петр Епифанов (48 лет) – «за смертное убийство» и т. д. Кроме того, в 54 случаях из 65 записано: «За какую вину в ссылке знания в Тюменской воеводской канцелярии не имеется» [12].

Степень наказания ссыльных также различна. Указывалось, что за тяжкие преступления их били кнутом, вырезали ноздри, ставили на щеках указные клейма (татуировки-наказания), отправляли в Сибирь. За особо тяжкие преступления отравляли навечно: «с наказаниемъ кнуто^м и вырезанием ноздреи и постановление^м знаковъ в Нерчинскъ вечно в тягчаишую работу» (Юда Юрьев, Андрей Трещев, Ефим Шишкин, Ефим Шевяков, Евсей Иванов, Михаил Попов, Иван Телной, Данило Евдокимов) [13]. Многие из направленных в Нерчинск жили своими домами в Тюмени, имели семьи и детей.

Возраст допрашиваемых – от 28 до 98 лет, средний возраст – 53 года.

Во время судебного разбирательства по обвинению их в организации бунта и намерении убить воеводу и его помощников были установлены степень вины 65 подозреваемых, например, Иван Ряскин: «имель злодеиское намерение ... коменданта и других начальниковъ убить и дома разграбить»; Данила Евдокимов: «от Ряскина слышаль, что злодеиская самозванцова партия грозится начальниковъ города Тюмени убить и по подговору того Ряскина согласился»; Иван Телной: «протчими присы^лными с которыми имель согласие, когда злодеиская толпа к Тюмени приближаться будетъ тогда города Тюмени начальниковъ прирезать и дома разграбить и в тою толпу в услужение податься»; Родион Семенов, Яков Игнатъев, Герасим Шаховцев, Тихон Савельев, Григорий Мельников и др.: «слышали от Ряскина и соглашались» [14].

В документе присутствуют ссылки не только на добровольное признание вины, но и на применение допросов и очных ставок «с пристрастиемъ» (при «запирательстве»), после которых, предполагаем, трое умерло: Алексей Мандоровский (приписка «умеръ в марте»), Андрей Дубровин («а более ево Дубровина пристрастно распрашивать за хворостью не было возможности» с

припиской «умеръ 6 апреля»), Юда Юрьев («в чемъ с пристрастного под битием плетьюми распросу и утвердился») с припиской «умеръ 8 апреля») [15].

Были подозреваемые, которые полностью отрицали свою вину. Подозреваемый Савелий Собин (43 года) во время допроса «учинилъ заприратство», поэтому «разноречию во изыскании истины под битием плетьюми довольно был распрашиванъ», но «в злодеиском намерении повинной не принесъ». Тюринов и Бритва во время допроса указали на Собина, что он «подлинно в сообществе былъ». И рассказали о том, что Собин «будучи в тюрьме говорилъ однажды де ему Собину прокатится а истины не скажетъ ис чего видно что он Собин остается в томъ своем злом намерении» [16].

В экстракте зафиксирована информация, что в процессе допросов со многих подозреваемых обвинения были сняты. Например, ссыльный Иван Королев (43 года) утверждал, что в согласии со ссыльными не был. Доказательством невинности является нахождение Королева по приказанию воеводы в Тобольске и Пелыме. При повторном допросе «с кнудомъ» Ряскин (один из организаторов) сообщил, что он сказал на Королева напрасно. Далее был проведен повальный обыск (опрос всевозможных свидетелей о подозреваемом), где обыватели Тюмени сообщали, что Королев добропорядочен, «в подозренияхъ ни в какихъ не бываль воровства за ним и особливо вредных обществу поступко^в и о злодеискомъ намерении не слыхивали» [17]. В архивном деле, кроме экстракта, присутствуют оригиналы 11 подписок, в которых жители Тюмени поручились за ссыльных И. Королева, Г. Дементьева, А. Мичурина, М. Воробьева, П. Епифанова и др. Считается, что этот факт снимает виновность с допрашиваемых [18].

К сожалению, экстракт не содержит информации о предварительном заключении. Возможно, что документ сохранился не полностью и в нашем распоряжении не вся информация.

На основании изученного архивного материала можно выделить организаторов так называемого «бунта» (Иван Ряскин, Алексей Мандоровский (умер), Иван Телной, староста Дмитрий Тюринов), соучастников бунта и свидетелей, часть которых была оправдана. Степень вины или отсутствие вины каждого доказана. Что их ожидает? Ответ кроется в XVIII столетии.

Вписывая данный фрагмент в исторический контекст, следует отметить, что крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева разделила страну на два лагеря. Очевидно, что Тюмень стала опорным пунктом правительственных войск для борьбы с повстанцами.

Таким образом, события, связанные с крестьянской войной, способствовали пересмотру Екатериной Великой государственной концепции управления империей, что и вылилось в последующие годы в масштабное реформирование, в том числе в области судоустройства и судопроизводства.

Ссылки:

1. ГАТО (Гос. арх. Тюмен. обл.). Ф. И-47. Оп. 1. Д. 5536. Л. 28, 473–474.
2. Там же. Д. 5454а. Л. 1–25.
3. Голованова О.И. Вторичный деловой текст и его свойства (на материале рапортов из состава следственных дел второй половины XVIII в.) // Вестник ТюмГУ. 2008. № 1. С. 73–81.
4. ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 5454а. Л. 2, 4.
5. Там же. Л. 3.
6. Там же. Л. 5.
7. См.: Там же. Л. 1–25.
8. Там же. Л. 2.
9. См.: Там же. Л. 3, 15, 26–31.
10. Там же. Л. 3–4.
11. Там же. Л. 5, 11–14, 17.
12. Там же. Л. 4–5, 7, 11, 14–16, 18.
13. Там же. Л. 4–5, 7, 11, 14–15.
14. Там же. Л. 2, 4–5, 12–13.
15. Там же. Л. 3, 15.
16. Там же. Л. 14.
17. Там же. Л. 17.
18. Там же. Л. 26–31.

References:

1. GATO, f. i-47, op. 1, d. 5536, l.28, 473-474.
2. GATO, f. i-47, op. 1, d. 5454a, l. 1-25.
3. Golovanova, OI 2008, 'The secondary business text and its properties (based on reports from the investigation files of the second half of the XVIII century)', *Herald of TSU*, no. 1, p. 73-81.
4. GATO, f. i-47, op. 1, d. 5454a, l. 2, 4.
5. GATO, f. i-47, op. 1, d. 5454a, l. 3.
6. GATO, f. i-47, op. 1, d. 5454a, l. 5.
7. See: GATO, f. i-47, op. 1, d. 5454a, l. 1-25.

8. *GATO*, f. i-47, op. 1, d. 5454a, l. 2.
9. See: *GATO*, f. i-47, op. 1, d. 5454a, l. 3, 15, 26-31.
10. *GATO*, f. i-47, op. 1, d. 5454a, l. 3-4.
11. *GATO*, f. i-47, op. 1, d. 5454a, l. 5, 11-14, 17.
12. *GATO*, f. i-47, op. 1, d. 5454a, l. 4-5, 7, 11, 14-16, 18.
13. *GATO*, f. i-47, op. 1, d. 5454a, l. 4-5, 7, 11, 14-15.
14. *GATO*, f. i-47, op. 1, d. 5454a, l. 2, 4-5, 12-13.
15. *GATO*, f. i-47, op. 1, d. 5454a, l. 3, 15.
16. *GATO*, f. i-47, op. 1, d. 5454a, l. 14.
17. *GATO*, f. i-47, op. 1, d. 5454a, l. 17.
18. *GATO*, f. i-47, op. 1, d. 5454a, l. 26-31.